

Глава 44. Поцелуй

Густой туман был до предела насыщен мощной духовной энергией.

Фу Линцзюнь, прижимая к себе белый комочек, всю дорогу прошёл по железному подвесному мосту, тонувшему в молочной мгле, легко оттолкнулся носком и опустился на утёс Жисы по ту сторону.

Хотя его и называли утёсом, Жисы на деле представлял собой цепь из нескольких гор. Стоило войти в лес, и до слуха Фу Линцзюня сразу донеслись шорохи демонических зверей.

Когда-то это место подавили Янь Цунси и Цзян Чаньюань, так что здесь остались лишь низкоранговые твари. Даже юному культиватору, который только-только приблизился к ступени мастера Дао, тут обычно не грозила бы слишком большая опасность.

Но ветер донёс очень странную вонь.

Слабую, смешанную с влажной духовной дымкой всей горной гряды. Глухую, с лёгкой тухлинкой, терпко-кровяную. От неё не только мутило — в ней чувствовалось что-то зловещее.

— Иу... — Цзян Тану стало ещё хуже. Он всё глубже зарывался в одежду Фу Линцзюня, тёрся, ластился и, словно этого было мало, жадными лапками беспорядочно драл ткань, пытаясь разгрести её и добраться до кожи, к которой можно было бы прижаться вплотную.

Его тело пылало, как в лихорадке, только в сотни раз сильнее. Сейчас ему казалось, будто откуда-то нахлынувшая духовная энергия набила его изнутри до предела, и в следующую секунду он просто лопнет.

Ему хотелось, чтобы его гладили.

Хотелось, чтобы та рука мягко провела от ушей до самого кончика хвоста, понемногу прогоняя эту мучительную боль.

Мягкий пушистый комочек без конца тёрся у него на руках, но Фу Линцзюнь не мог остановиться. Он мог лишь продолжать путь и, отвлекаясь, время от времени успокаивать тёплое мягкое тельце у себя в объятиях.

Чем глубже они заходили, тем гуще становился туман. Он почти сгущался в мелкие капли воды и со всех сторон обволакивал человека. Воздух сделался вязким. Хотя уже начиналось лето, на утёсе Жисы стоял холод, а ветер, гулявший меж деревьев, тянул сыростью.

Похоже, вот-вот должен был пойти дождь.

Запечатанный утёс Жисы казался местом из совсем другого мира, не похожим на остальную горную цепь Линчао. Снаружи сияло солнце, а здесь с порога чувствовалось: надвигается горная буря.

Фу Линцзюнь быстро искал поблизости место, где можно было бы ненадолго укрыться. В жутко мрачном лесу всё затягивал туман, видимость была плохой, и он по неосторожности наткнулся на гигантского паука, сидевшего на ветвях древнего дерева. Белая паутина густо оплела окрестные лианы и кусты, закрыв всё вокруг.

Почуввав чужака, паук быстро спустился по паутине. С расправленными восемью лапами, покрытыми жёсткой чёрной щетиной, он почти сравнялся ростом с Фу Линцзюнем.

Цзян Тану было так больно, что он едва держался, и всё же при виде этого паука на миг пришёл в себя от ужаса. По его угольно-чёрному брюху ползли белые узоры. Снизу они складывались в жуткое, перекошенное человеческое лицо.

Демонический зверь — человеколикий паук!

Только взрослый человеколикий паук вырастал до таких размеров. По меркам людей, с ним можно было справиться разве что на уровне бессмертного Дао.

Но по всем правилам, на утёсе Жисы не должно было быть демонических зверей такого уровня.

— Иу... — Цзян Тан и страдал, и трусил. Ему даже чудилось, будто этот человеколикий паук уставился на него всеми восемью багровыми глазами.

Фу Линцзюнь чуть прищурил длинные глаза и бесстрастно взглянул на паука, уже готового броситься в атаку:

— Пошёл прочь.

Весь он был как уже обнажённый меч и источал леденящую убийственную силу.

Человеколикий паук почувствовал исходящую от добычи жажду убийства, но поверх неё было ещё кое-что: раскалённая, чистейшая сила, сладкая до того, что на неё хотелось броситься, как мотыльку на огонь. От разгорячённого маленького зверя без конца расходился манящий аромат. Сейчас Цзян Тан был как живое сокровище, которое неизбежно привлечёт множество существ, мечтающих разорвать его и сожрать.

Толстые чёрные паучьи лапы пробивали всё насквозь. Кроме того, человеколикий паук был ядовит. Стоило попасть в раскинувшуюся повсюду паутину — и цепкие нити намертво приклеивали добычу. Потом острые лапы медленно двигались сверху вниз, впрыскивая нечто

вроде мощного парализующего яда. Тело жертвы немело, так что она уже не чувствовала даже того, как паук вонзает ротовые органы ей в голову и начинает высасывать плоть и кровь.

Сквозь собственную дурноту Цзян Тан всё же смутно вспомнил, что именно так и описывали человеколиких пауков в оригинале. От страха его ещё больше затошнило. Не знал, не померещилось ли ему, но под тем древним деревом будто валялось несколько белых костей, и по виду лежали они там уже очень давно.

Но ведь утёс Жисы... разве его не запечатали давно и не сделали недоступным для посторонних?

Толстое брюхо паука задрожало, а в следующую секунду он выплюнул огромную белую сеть прямо на Фу Линцзюня и Цзян Тана. После того как Фу Линцзюнь отделил от себя изначальное духовное пламя, потери у него были слишком велики; к тому же он берёт зверька на руках, поэтому мгновенно отступил назад.

Гигантская прочная сеть липко шлёпнулась туда, где он только что стоял, и от сухих листьев и веток донёлся тихий шипящий треск.

Сейчас Фу Линцзюнь мог позволить себе только скорую развязку. Его фигура резко исчезла с места, и в следующую секунду меч Шифо уже был у него в руке. Один лёгкий взмах — и с тяжёлого клинка закапали вниз зеленоватая слизь и кровь, пачкая белую паутину сплошным месивом.

В тот самый миг, когда он взмахнул мечом, Фу Линцзюнь прикрыл Цзян Тана рукой, целиком накрыв ладонью голову маленькой белой собачки.

Куски паучьего трупа с глухим стуком посыпались вниз. Безобразная голова покатилась по земле и даже после смерти всё ещё смотрела на Цзян Тана из рук Фу Линцзюня.

От одной мысли об этой мерзости Цзян Тана передёрнуло. Пусть он и не видел самой бойни, это не помешало тошноте подступить к горлу.

Кровяная вонь мигом перебила ту едва уловимую тухловатую, что стояла здесь раньше.

А на утёсе Жисы за ними всё ещё следили бесчисленные демонические звери. Фу Линцзюнь, прижимая к себе Цзян Тана, стремительно пронёсся сквозь чащу и, наконец, прежде чем туман окончательно рассеялся и грянул ливень, нашёл скалистый участок, выбрал каменную пещеру и влетел внутрь.

Снаружи в ту же секунду хлынул проливной дождь.

Он забарабанил по земле, как горох, и в пещере сразу стало сыро и холодно.

С кончиков пальцев Фу Линцзюня сорвался золотисто-алый феникс и закружил в тесной пещере, разгоняя промозглую сырость и холод.

— Иу... — рассудок Цзян Тана почти сгорел в собственном жаре.

Пока Фу Линцзюнь искал по дороге место, где можно остановиться, он не мог всё время его успокаивать. Теперь у Цзян Тана болело и горело всё тело, и даже если Фу Линцзюнь гладил его обеими руками сразу, легче почти не становилось.

Сквозь мутный жар ему привиделись языки пламени, похожие на маленьких фениксов. Они несли тёплую духовную силу и летели к нему. Каждый раз, когда огонь касался его и рассыпался светом, температура в теле немного спадала.

От этого Цзян Тану действительно становилось лучше. Но жадность тут же требовала ещё.

В тёмной пещере золотисто-алый фениксов огонь кружил без конца. Его сияние пробивалось даже сквозь завесу дождя, окрашивая серую водяную стену в ослепительные краски.

Среди пляшущих огней мягкий комочек наконец немного успокоился, перестал дёргаться и будто провалился в тяжёлый сон.

Ливень хлестал без остановки. Шум дождя окутал весь мир, намертво накрыв собою утёс Жисы.

И вдруг в этом шуме словно примешалось что-то ещё.

Уши Фу Линцзюня едва заметно дрогнули.

Кто-то приближался. По звуку — не демонический зверь, шаги были скорее человеческие.

Хотя человеком это назвать тоже было не совсем правильно.

Вместе с шагами приближалось грубое звериное «хэ-хэ».

Фу Линцзюнь, опасаясь другой угрозы, первым делом убрал больше не катающийся от боли комочек в жемчужину Нахай. Когда он поднялся на ноги, в его руке уже появился меч Шифо.

— Хэ... хэ-хэ... — звук становился всё ближе.

Фу Линцзюнь поднял взгляд и равнодушно уставился на вход в пещеру.

Вскоре сквозь дождевую завесу к ним приблизилась человеческая фигура. На человеке висели лохмотья, волосы под проливным дождём сбились и прилипли к лицу, закрывая обзор. Но он даже не попытался откинуть их, словно ему было всё равно. Он лишь, шатаясь, шёл вперёд.

По телосложению — худощавый мужчина.

Ввалившись внутрь насквозь мокрым, он был мертвенно-бледен, с серо-синюшным оттенком покойника.

Та самая терпко-кровавая тухлая вонь, что ощущалась здесь с самого входа на утёс Жисы, ударила в нос с новой силой.

— Хэ... хэ... — этот так называемый человек почти не отличался от ходячего трупа. От шеи вниз по серовато-белой коже тянулись тёмно-зелёные прожилки. Глаза были мутные, как у дохлой рыбы, руки и ноги — неестественно жёсткие. Ногти длинные, чёрные, как тушь, острые и жутко твёрдые. Когда он рычал, изо рта вырывалось тухлое смрадное дыхание.

Его мутные, расфокусированные глаза уставились на Фу Линцзюня, как на добычу. Движения сразу стали быстрее, и он бросился вперёд.

Чёрные когти были остры, как ножи. Фу Линцзюнь легко уклонился в сторону, и длинные ногти вошли прямо в твёрдую каменную стену. Когда тварь выдернула руку обратно, плоть уже разошлась, но она этого даже не заметила и тут же снова пошла в атаку.

Фу Линцзюнь нахмурился, пытаясь понять, что именно перед ним.

Он и сам умел управлять мертвецами, но его способ и рядом не стоял с этой дешёвой поделкой. Стоило ему захотеть — и подконтрольный труп мог продолжать жить вечно; более того, ему можно было придать долю сознания, чтобы тот походил на живого человека.

После нескольких обменов ударами Фу Линцзюнь понял, что перед ним — безмозглая оболочка, не умеющая ни говорить, ни мыслить, а лишь по инстинкту пытающаяся его убить. Почти как неудачно изготовленная кукла-мертвец.

Он тут же потерял к ней интерес и одним движением меча Шифо отсёк ей голову.

На землю хлынула чёрно-красная кровь, и смрад стал расползаться всё сильнее.

Фу Линцзюнь сложил печать, собираясь выбросить труп из пещеры. Но в тот миг, когда тело зависло в воздухе, он заметил вдоль позвоночника глубокий страшный шрам.

Шов был кое-как стянут неровными стежками, а изнутри сквозь разрез просачивалось смутное

сияние.

Фу Линцзюнь колебался лишь миг. В следующую секунду он рассёк зашитый шрам мечом. Гниющая плоть разошлась в стороны, и внутри показался небольшой отрезок белоснежной прозрачной кости, мерцающей стеклянным светом.

— Это... — Фу Линцзюнь не поверил собственным глазам. Кончиком меча он коснулся этого маленького красивого обломка, спрятанного в гнилой плоти. — Кость судьбы благого зверя?

Как можно было поверить, что в такой прогнившей туше скрыта кость судьбы благого зверя?

За десять тысяч лет от благих зверей остался только тот один, что сейчас лежал в его жемчужине Нахай. Из Цзэяна он уже сбежал без своей кости судьбы. Неужели ему всерьёз предлагали поверить, что именно этот утраченный обломок оказался в теле гнилого трупа?

Да как такое возможно?

Изначально Фу Линцзюнь лишь предполагал, что на утёсе Жисы скрыта какая-то грязная тайна Цзян Чаньюаня, но не ожидал наткнуться на ходячий труп с костью судьбы внутри.

Он не верил, что Цзян Чаньюань стал бы использовать настолько ценную вещь, чтобы сделать такую низкопробную марионетку. Но тайна за этим наверняка была куда глубже, и для ответа нужно было узнать больше.

К тому же кость судьбы благого зверя не должна быть такой холодной на ощупь.

Такой злой. Такой пропитанной ненавистью.

Фу Линцзюнь очистил кость заклинанием и, сжав в руке, внимательно её осмотрел.

Самой кости судьбы благого зверя он прежде никогда не видел — только читал о ней в древних книгах. Говорили, что в ней скрыта безграничная духовная энергия неба и земли; она способна заново сформировать духовный корень, а ещё обладает почти чудесной силой возвращать мёртвых к жизни и наращивать плоть на костях. На ощупь такая кость должна быть тёплой и мягкой, словно тёплый нефрит, успокаивающий сердце.

Но тот кусочек в его руке был совсем не таким.

Фу Линцзюня когда-то опутывали злые души, и в ненависти он разбирался лучше многих. Эта вещь, как ни посмотри, была похожа на кость судьбы, но уже испорчена. Снаружи она всё ещё светилась стеклянным блеском, а внутри и снаружи была насквозь грязной.

Стоило взять её в руку — и по коже тут же поползла тонкая ядовитая злоба. Под красивой оболочкой скрывалась одна сплошная мерзость.

Раз уж он пришёл на утёс Жисы, он, конечно, вытащит на свет всю эту грязь до конца.

Закончив с этим, Фу Линцзюнь протянул руку, чтобы достать зверька из жемчужины Нахай.

И в следующую секунду его ладонь наполнила мягкая, тёплая, гладкая плоть.

Мягкая, тёплая. Стоило пальцам нажать — и под ними отозвалась безупречно гладкая кожа.

Этот краткий миг был совсем коротким, но от соприкоснувшихся пальцев тут же растёкся странный электрический разряд.

Фу Линцзюнь резко отдернул руку.

Кадык его чуть качнулся. Он застыл на месте и только спустя долгое мгновение достал из жемчужины Нахай тяжёлый верхний халат, расстелив его на сырой земле, влажной от усиливающегося дождя.

И лишь после этого юноша, лежавший в жемчужине, весь такой гладкий, что за него и ухватиться было некуда, оказался перемещён на халат. В ту же секунду сверху на его тело, опутанное длинными волосами, швырнули широкий чёрный халат Фу Линцзюня.

Фу Линцзюнь, уже повидавший в жизни многое, слегка выдохнул с облегчением.

Но ненадолго.

— Мм... — лежащий на земле юноша тихо простонал от неудобства.

Земля была холодной, усыпанной мелкими камнями. Он свернулся и чуть потёрся в сторону, сбросив с себя чёрный халат и обнажив слепящую полосу белизны.

На фоне чёрной ткани эта кожа казалась ещё нежнее. Одного взгляда было достаточно, чтобы Фу Линцзюнь снова вспомнил то гладкое прикосновение, что только что ощутил.

С каменным лицом он снова натянул халат сверху.

Но почти в следующую секунду беспокойный юноша опять вылез из-под него, да ещё куда бесстыднее прежнего: мягкая ладонь прижала ткань и потянула её вниз, стянув до тонкой гибкой талии.

Чудовищно длинные, почти демонические волосы уже не могли прикрыть открывшийся вид. Среди ослепительной белизны проступил нежно-розовый цвет, словно лепестки персика.

Спрятанная в широком рукаве рука медленно сжалась.

Фу Линцзюнь стиснул зубы, протянул руку и потянул за зажатую ткань чёрного халата.

Не вышло.

Он приложил чуть больше силы. Во сне юноша, не зная, что ему приснилось, жалобно надул губы, обеими руками вцепился в комок ткани и смял его так, что тот весь пошёл складками, но не отпустил.

Фу Линцзюню пришлось накрыть его руку своей и по одному разгибать пальцы.

Разогнёт один — мягкий палец тут же царапнет ему ладонь, а потом снова нахально сожмётся обратно. Так повторилось дважды, и тогда Фу Линцзюнь, теряя терпение, просто разжал ему пальцы до конца и удержал всю руку в своей ладони.

Маленькая, мягкая, словно совсем без костей.

Или как липучий маленький осьминог.

Когда руку наконец удержали, человек под ней послушно успокоился.

Сила Фу Линцзюня была не так уж велика, но сознание Цзян Тана именно в этот момент стало чуть яснее. Разжатые пальцы всё ещё слегка покраснели, из горла то и дело вырывались недовольные стоны, будто он выражал своё возмущение.

— Больно... — голос у него был мягкий, сладкий, а конец фразы мило тянулся вверх.

И тут эта ловкая, как вьюн, маленькая рука снова просунулась вперёд, ухватила Фу Линцзюня за ладонь и жалобно потянула:

— Так... больно...

Ему и правда было больно.

Болели не только грубо разжатые пальцы — горело всё тело. Цзян Тан немного вынырнул из тяжёлого забытья, но только до той степени, чтобы смутно осознавать свои ощущения.

Ему было больно. В воздухе, в дождевом тумане, непонятно откуда — повсюду было слишком много духовной энергии. Она без конца лезла в его тело.

Это чувство было слишком сильным, и оттого боль не проходила. Казалось, будто духовная энергия вот-вот распирает эту оболочку изнутри и разорвёт его на части.

Поэтому ему хотелось приблизиться к тому, кто мог эту боль облегчить.

Цзян Тан, вцепившись в руку Фу Линцзюня, инстинктивно поднял голову. Фу Линцзюнь, полустоявший на колене рядом с ним, уже собирался поддержать его рукой — и в тот же миг на него набросился маленький осьминог.

Весь этот осьминог с головы до ног изнывал от боли и хотел приблизиться к источнику успокоения. Хотел вжаться в него как можно плотнее, будто только так мог поместиться с ним в одно целое. Слово маленькому осьминогу отчаянно хотелось забраться в бутылку — лишь там мир казался бы безопасным.

А в бутылке была тёплая вода. Маленький осьминог очень любил такую температуру.

Но всё обернулось противоречием: едва осьминог попал внутрь, бутылку вдруг поставили на огонь. Вода внутри стремительно нагрелась, и осьминогу показалось, что его вот-вот сварят.

Ещё немного — вынут, нарежут, польют соусом и можно подавать к столу.

Осьминог некоторое время побарахтался в бутылке. Поняв, что беспорядочные удары ничего не дают, он сменил тактику и принялся грызть саму бутылку.

Тут куснёт, там стукнет — лишь бы продырявить её и выбраться наружу.

Но бутылка была твёрдой и гладкой, уцепиться зубами было почти не за что. Он тоненько-тоненько прошёлся вверх, а жевать камень, честно говоря, было совсем неинтересно. Цзян Тан не хотел есть камень, и тогда, повинувшись инстинкту, поднялся выше и увидел на бутылке ярлык.

Маленький осьминог, воспользовавшись моментом, внезапно напал на ярлык.

Фу Линцзюнь окаменел всем телом.

Он одной рукой прижал Цзян Тану беспокойную голову и чуть выше подтянул к себе мягкого, как вода, осьминога.

Но именно это движение открыло для него новую цель. Губы Цзян Тана скользнули от его подбородка вверх и без колебаний впились Фу Линцзюню в губы.

Когда к нему приник этот тёплый, дышащий поцелуй, всё было так, будто снеговик, растаявший под солнцем, наконец сливается с тёплой землёй, к которой так стремился.

— Мм... — прямой тонкий нос Цзян Тана дрогнул, вдыхая приятный холодный аромат.

И он снова принялся кусать.

Фу Линцзюнь едва не сошёл с ума от этой бесстыдной атаки.

Почти опьянев от густых длинных ресниц Цзян Тана, он всё же решил, что это слишком неприлично, и чуть подался назад.

— Ты... — языковая система в голове Цзян Тана работала через раз. Слушать он уже мог более-менее нормально, а вот говорить всё ещё получалось рвано и невпопад. — Не... двигайся.

Весь его мир был окутан этим приятным холодным ароматом. Он был мягким и бессильным, и только если крепко обнять человека перед собой, можно было хоть немного удержаться.

Цзян Тан приблизил лицо к Фу Линцзюню. Его закрытые глаза будто хотели распахнуться, ресницы непрерывно дрожали.

— Вкусно.

Нападал он грубо и совершенно бессистемно — как маленький зверёк, рвущий добычу молочными зубами. Старался изо всех сил, но толку почти не было.

И всё же самому Цзян Тану казалось, что он очень старается. Когда целоваться он устал, то просто привалился к плечу Фу Линцзюня, чуть наклонился и потёрся о его ухо.

Мочка уха Фу Линцзюня стала алой, словно залитой кровью.

— Ум... — Цзян Тан будто почувствовал, как от неё исходит жар, и добросовестно дунул, пытаясь её остудить. — Горячо, подую.

По тону это звучало вроде как жалобно, а ещё больше — будто он просил похвалы.

Голос Фу Линцзюня стал хриплым, а в глазах плескалось тёмное, тяжёлое волнение:

— Тебе... нравится так?

Огонь уже разгорелся. А тот, кто его разжёл, ничего не понимал и даже не подозревал, что сделал что-то дурное, будто этой вспыхнувшей бури вовсе не существовало.

Голова Цзян Тана была как каша.

Раньше её наполовину сожгло, потом наполовину остудило, а теперь всё перемешалось так, что думать стало невозможно.

Но пусть думать он и не мог, инстинкт стал только яснее.

Аккуратный носик потёрся о ухо Фу Линцзюня, и мягкий, липкий голос с дрожащим хвостиком тихо выдохнул:

— Нравится...

А затем, будто и этого было мало, он торопливо повторил:

— Очень... нравится...

Тук. Тук.

Снаружи пещеры лил проливной дождь. Внутри золотисто-алый фениксов огонь кружил по воздуху и согревал остатки здравого смысла Фу Линцзюня.

Пламя вспыхнуло снова.

Он горел от каждого движения юноши, от каждого его слова.

Фу Линцзюнь улыбнулся.

Он посмотрел на человека у себя в руках, и казалось, будто все звёзды с неба разом упали в его глаза.

— Глупый, — горячая ладонь поддержала бессильную шею юноши, заставив его слегка запрокинуть голову.

А в следующий миг губы Фу Линцзюня снова прижались к его губам.

— Вот это и есть поцелуй.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: целуешься ты так себе, давай лучше я□□□□

<http://bllate.org/book/17032/1639367>